

Представляемая читателю книга посвящена истории одного из полков столичного военного гарнизона — 148-го пехотного Каспийского полка с момента его основания и до 1918 года. Работа содержит богатый фактический материал, раскрывающий не только военную сторону жизни расквартированного в Петергофе полка, но и его повседневный быт, участие каспийцев в жизни царской резиденции и города, взаимоотношения офицеров и нижних чинов с горожанами.

В книге впервые представлены архивные, ранее неопубликованные материалы, посвященные участию полка в Первой мировой войне. Примечательно, что рассказано о судьбах многих офицеров, чья жизнь была тесно связана с этой частью.

Работа Р.А. Абасалиева является удачным возобновлением традиции написания полковых историй, традиции, оказавшей большое влияние на развитие военной историографии конца XIX — начала XX века. Книга будет полезна как специалистам, так и многим жителям Петергофа, интересующимся историей своего города.

Зав. отделом Новой истории России
Санкт-Петербургского Института истории РАН
д. и. н. В.В. Лапин

Для большинства туристов Петергоф — это блестящая резиденция российских императоров, ансамбль всемирно известных дворцов и парков. В своем стремлении увидеть великолепие «столицы фонтанов» многие практически не обращают особого внимания на сам город, обходя вниманием его культуру и историю. Возможной причиной этого является и ограниченность туристических маршрутов, и то, что истории города Петергофа уделялось недостаточно внимания. А ведь в Петергофе проживали известные архитекторы, скульпторы, писатели, художники, композиторы, военные и государственные деятели, в течение многих лет каждое лето десятки именитых дачников снимали здесь квартиры.

В городе проходили различные торжества по случаю прибытия высоких иностранных гостей, многие воинские части отмечали в Петергофе свои полковые праздники, участвовали в различных парадах, встречах высоких иностранных гостей и представителей царствующих домов многих стран. Практически каждое лето город становился местом пребывания императорского двора, который было необходимо охранять и достойно представлять. Именно эти функции и выполнял петергофский военный гарнизон.

Уже со времен императора Петра I к охране Петергофа, как царской резиденции, стали привлекаться гвардейские полки, а при императрице Анне Иоанновне в город на короткое время прибывали различные воинские части для участия в парадах и смотрах.

Постоянных казарм в Петергофе еще не было, и прибывавшие войска размещались в палатках, в окрестных деревнях,

по казенным домам, а также по квартирам местных жителей. С начала XIX века в Петергоф вводятся элитные полки, шефами которых были члены императорской фамилии. В городе постоянно квартировали лейб-гвардии Уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны и лейб-гвардии Конно-Гренадерский полки, а спустя почти столетие император Николай II ввел на постоянные квартиры еще два полка — лейб-гвардии Драгунский и 148-пехотный Каспийский.

К началу XX века в Петергофе проживало более 15 тысяч жителей, из которых приблизительно четвертую часть всего населения составляли военные, представлявшие интеллектуальную группу, имевшую значительное культурное и психологическое влияние на жизнь города. В свою очередь и общественная жизнь Петергофа оказывала влияние на военный гарнизон, который, при всей его самостоятельности и обособленности, являлся частью города, разделяя с ним общие радости и беды. Многих офицеров и городских обывателей связывали семейные и дружеские связи; некоторые жители Петергофа проходили службу в расквартированных здесь полках.

В разное время в петергофских полках служили поэты Николай Гербель, Николай Гумилев, Семен Надсон, Игорь Северянин, писатели Александр Бестужев-Марлинский, Леонид Борисов, Николай Воронович, скульпторы Иван Шредер, Александр Сафонов, Михаил Цейдлер, Николай Либерих. В петергофских летних лагерях военно-учебных заведений проходили службу Михаил Лермонтов, Федор Достоевский, Дмитрий Григорович, Петр Кропоткин, Лев Жемчужников, Петр Семенов-Тянь-Шанский, Эдуард Тотлебен и этот список можно продолжать очень долго. В разное время петергофскими полками командовали будущий генерал-фельдмаршал Иосиф Гурко и ставшие впоследствии видными деятелями Белого движения Федор Келлер, Константин Мамонтов, Илья Миклашевский.

В своей топонимике Петергоф сохранил названия улиц, связанных с военной жизнью. Конно-Гренадерская, Уланская,

Разводная, Кадетская, Полковая, Манежная улицы, Саперный пруд, Кадетский плац, Скаковое поле являлись неотъемлемой частью градообразующей системы города и его военного гарнизона. В Петергофе находится самый монументальный памятник русской пехоте в память о русско-японской войне 1904–1905 годов — «Каспийцы — товарищам павшим».

Петергофские полки принимали участие в сражении при Аустерлице, отличились в битве при Бородино, и в заграничных походах русской армии, подавляли польский мятеж, участвовали в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, Первой мировой войне. В Гражданскую войну многие офицеры и нижние чины воевали по разные стороны, различно сложились и судьбы многих из них.

Если истории петергофских гвардейских полков посвящено немало литературы, то история каспийцев изучена явно недостаточно, в данной работе приводятся многие, ранее неопубликованные сведения об истории этой части.

Автор выражает искреннюю признательность доктору филологических наук М.Н. Виролайнен, доктору исторических наук В.В. Лапину, П.В. Ильину, Л.Я. Миндлину и Е.А. Любимову за помощь в подготовке книги к изданию.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КАСПИЙСКОГО ПОЛКА

Летом 1722 года Петр I выступил в поход, целью которого было распространить русское влияние в закавказских землях, находившихся во владении Персии. Заняв древний Дербент, русские войска были вынуждены остановиться; отсутствие продовольствия, тяжелые климатические условия и большое количество больных сделали дальнейшее продвижение на юг невозможным. «Все эти неблагоприятные обстоятельства заставили Петра отказаться от продолжения похода. Оставив гарнизоны <...> Петр возвратился в Астрахань»¹. Позднее, в результате дипломатических переговоров с Персией и Османской империей, Петр I закрепил эти земли за Россией, а в 1724 году для гарнизонной службы в прикаспийской области был сформирован Низовой, или Персидский корпус. В состав этого корпуса вошли новые пехотные полки — Астрабадский, Дербентский, Ширванский, Зензелинский, Рящинский, Гирканский, Мазандаранский и Дагестанский, названия которых соответствовали различным районам Закавказья и Персии.

Один из указанных полков — Рящинский (Рештинский — от названия г. Решт на территории современного Ирана. — *Р.А.*),

¹ *Лысов В.П.* Персидский поход Петра I. М., 1951. С. 124.

был образован 9 июня 1724 года из рот Гренадерского полковника Энсберга полка, Сибирского и Троицкого пехотных полков.

7 ноября 1732 года, уже при Анне Иоанновне, полки Персидского корпуса были переименованы, так как их названия давали Персии повод думать, что Россия претендует на ее провинции, Рящинский полк был назван Каспийским, по названию Каспийского моря. На следующий год Каспийский полк был расформирован для укомплектования прочих полков Низового корпуса, а в 1735 году русские войска, в силу различных причин, как политического, так и экономического характера, были выведены из Закавказья².

И остался бы Каспийский полк только в истории XVIII века, если бы не события нового, XIX века, происшедшие уже на западных границах Российской империи. В 1863 году набравшее силу польское восстание и угроза создания новой коалиции европейских держав против России потребовали значительного укрепления вооруженных сил. Армия была переведена на военное положение, встал вопрос немедленного увеличения ее численности. На основании Положений 1863 и 1864 годов постепенно было образовано 47 пехотных дивизий, которые получили название по номерам, с 1-й по 40-ю, а армейские полки, вошедшие в их состав, также получили нумерацию, с 1-го по 160-й.

Затем из резервных полков были сформированы новые полки с присвоением им номеров и названий, а уже из этих полков были сформированы и новые дивизии.

Одна из новых дивизий — 37-я пехотная — была создана на основе резервных батальонов Томского, Днепровского, Украинского и Одесского полков. 13 октября 1863 года из резервных батальонов 48-го пехотного Одесского полка был сформирован новый пехотный полк, ставший 4-м полком в 37-й дивизии.

² Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 48.

В состав этой дивизии входили две бригады — 1-я бригада: 145-й Новочеркасский и 146-й Царицынский полки; и 2-я бригада: 147-й Самарский и 148-й Каспийский пехотные полки.

В России второй половины XIX века культ Петра Великого стал важной составляющей политической жизни, оказывая заметное влияние на принятие административных решений. Возрождение петровских традиций, а также продолжение петровских начинаний являлось достаточным и важным аргументом для обоснования многих действий.

В память походов Петра I один из полков получил название Каспийского. То, что полк возродился из небытия более столетия после своего упразднения, вовсе не означает, что в его истории имелся столь продолжительный пробел. По существовавшей в России узаконенной традиции, вновь создаваемая часть получала наследственные права на боевые заслуги тех полков, которые становились «донорами», которых могло быть несколько. Обычная практика была такова: из какого-то «старого» полка выделялся батальон, солдаты и офицеры которого служили своеобразной основой, которая дополнялась выпускниками военных заведений, офицерами и новобранцами других частей.

Каспийский полк был создан на базе 48-го пехотного Одесского полка, сформированного в свою очередь из рот Углицкого, Архангелогородского, Московского и Казанского гарнизонных полков. 6 ноября 1811 года Александр I подписал указ: «Господину военному министру генералу от инфантерии Барклаю-де-Толли: Повелеваю сформировать в Москве новую пехотную дивизию, которой именоваться 27-й. Имена полков назначаются: первому — Одесский, второму — Виленский, третьему — Тарнопольский, четвертому — Симбирский»³.

В Отечественную войну 1812 года Одесский пехотный полк в составе 27-й дивизии генерал-лейтенанта Д.П. Неверовского, входившей в состав 2-й армии генерала П.И. Багратиона,

³ *Попов Ф.Г.* История 48 пехотного полка. М., 1911. Т. 1. С. 12.

принял деятельное участие в сражениях при Смоленске, Бородино, Малоярославце. В дальнейшем Одесский полк находился в числе главных сил, которые двигались по Смоленской дороге и прикрывали незатронутые войной области. За войну 1812 года полк, по неполным данным, потерял убитыми 39 офицеров, 1477 строевых и 20 нестроевых нижних чинов. После сражений полк был переведен в Вильно для доукомплектования, а затем вновь отправился на войну.

Полк принял участие в сражениях на реке Кацбах и при Лейпциге, а резервный батальон осаждал крепость Модлин. 17 января 1814 года 27-я пехотная дивизия в ночном бою штыковой атакой выбила французов из города Бриен-Ле-Шато, а через три дня в сражении за Ла-Ротьер, обороной которого руководил сам Наполеон, Одесский полк в течение девяти часов вел упорный бой на улицах города. Победа при Ла-Ротьере, одержанная под личным руководством императора Александра I, закрепила успехи союзников, вторгшихся во Францию. По представлению генерала Ф.В. Остен-Сакена, Одесскому полку за особое мужество и храбрость, проявленное в сражениях при Бриен-ле-Шато и Ла-Ротьере, были высочайше пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «В воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 17 и 20 января 1814 г. при Бриен-Ле-Шато и Ла-Ротьер». Уже под новыми знаменами полк принял участие в сражениях при Монмирале и Шато-Тьери. За подвиги в войнах 1812–1813 и 1814 годов Одесскому полку были пожалованы награды: Гренадерский поход (жалуемый отличившимся частям русской армии особый барабанный бой, под который отмеченная часть проходила во время различных торжественных церемоний. — Р.А.), Георгиевские знамена и знаки на головные уборы с надписью: «За отличие».

18 марта 1814 года союзные войска вошли в Париж, Наполеон подписал отречение от престола и был сослан на остров Эльба. После завершения боевых действий Одесский полк вернулся домой и встал на квартиры в местечке Крынка Белостокской области, а резервный батальон по окончании блока-

ды крепости Модлин находился в составе резервной армии, стоявшей в герцогстве Варшавском, откуда в июле 1814 года перешел в город Гродно.

1 марта 1815 года Наполеон Бонапарт покинул остров Эльбу и высадился во Франции; начался знаменитый период «Ста дней». Император Александр I направил во Францию армию под начальством генерал-фельдмаршала М.И. Барклая-де-Толли. В новом походе участвовали 1-й и 3-й батальоны Одесского полка, которые 20 июня 1815 года вступили в пределы Франции. К этому времени Наполеон был уже разбит под Ватерлоо и вторично отрекся от престола; союзники заняли Париж, и военные действия прекратились. Полк расположился на квартирах в городе Диезе, где простоял до конца августа 1815 года. По воле Александра I войска союзных армий, кроме гвардии и гренадер, не вступали в Париж, оставаясь на биваках; исключение было сделано только для частей, принимавших участие в блокаде Венсенской крепости, находившейся в предместье французской столицы, в их число входил и Одесский полк. 29 августа 1815 года полк принял участие в знаменитом параде при Вертю, единственном в истории параде, в котором одновременно приняло участие более 150 тысяч человек.

Пройдя несколько реорганизаций, Одесский полк уже в составе 19-й дивизии перешел на стоянку в местечко Бершад Ольгопольского уезда Подольской губернии.

В начале 20-х годов XIX века политическая ситуация на Балканском полуострове резко осложнилась. Османская империя переживала серьезный внутренний кризис, вызванный борьбой Греции за независимость и освобождение от турецкого владычества. Жестокое подавление греческого восстания турками вызвало протесты России, которая традиционно считала себя покровительницей и защитницей христиан на Балканском полуострове. События в Греции привели к резкому ухудшению русско-турецких отношений, в связи с чем в апреле 1826 года 2-я русская армия была переведена на военное положение и отправлена в Бессарабию. В конце 1827 года правительства

России, Англии и Франции отправили Турции ультимативное требование: прекратить военные действия против греков, предоставить им автономную свободу вероисповедания, торговли и самостоятельного управления. Однако Турция оставила это требование без ответа, тогда к берегам Греции была выслана союзная эскадра, которая уничтожила османский флот в Наваринской бухте.

Отношения между странами резко обострились, султан Махмуд II призывал своих подданных к «священной войне», в ответ 14 апреля 1828 года Николай I высочайшим манифестом объявил Турции войну. Огромная русская армия под командованием фельдмаршала П.Х. Витгенштейна форсировала Прут и Дунай, практически без сопротивления заняла Молдавию и Валахию и осадила крепость Браилов на левом берегу Дуная, которую оборонял гарнизон численностью до 12 тысяч человек при почти 300 орудиях. Осада хорошо укрепленного Браилова была возложена на 7-й корпус под командованием великого князя Михаила Николаевича. Торопясь покончить с осадой и присоединиться к главным силам, которые переправились через Дунай, великий князь велел 3 июня начать штурм. Под крепостные стены подвели подкопы, и русские войска двинулись на приступ. Сломив ожесточенное сопротивление противника, смогли захватить крепостные стены, но саму крепость взять не удалось. Недостаточно подготовленный штурм столь мощной крепости привел к большим потерям и закончился неудачей. «Наш урон на штурме 3-го числа — 92 офицера, 2655 нижних чинов, но турок перебито больше: из гарнизона в 12 000 сдалось 8000 при 273 орудиях»⁴. На следующий день интенсивный обстрел крепости возобновился, для обстрела крепости впервые в русской армии применялись зажигательные ракеты. Так как положение турецкого гарнизона было безнадежным, через два дня комендант начал переговоры о сдаче и 7 июня 1828 года крепость капитулировала. Падение Браилова повлекло за собой

⁴ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1993. Т. 2. С. 58.

сдачу нескольких турецких крепостей, вскоре весь левый берег Дуная был очищен от турецких войск, и русская армия смогла приступить к активным боевым действиям в Болгарии.

В этих боях отличились офицеры и нижние чины Одесского полка, многие офицеры получили ордена св. Владимира и св. Анны различных степеней, а трем нижним чинам были пожалованы знаки отличия Военного ордена, часто именуемые «солдатскими Георгиями».

В июле Одесский полк прибыл в город Енибазар, где охранял обозы и артиллерийские парки от турецкой конницы, а в конце августа полк был присоединен к главным войскам, осаждавшим крепость Варну. Для выручки осажденной крепости турки заняли позицию у Гаджи-Гассан-Лара и выстроили там редут, для овладения которым был сформирован отряд генерала И.О. Сухозанета, в который входил и Одесский полк. После непродолжительной перестрелки батальоны Одесского полка, шедшие впереди колонны, в штыковой атаке выбили турок из укрепления. 18 сентября 1828 года полк, уже в составе отряда принца Е. Вюртембергского, отличился при взятии укреплений на горе Курт-Тепе, через которую проходила дорога к осажденной крепости. 29 сентября Варна, не выдержав осады, сдалась. Одесский полк перешел в занятый город, где в течение двух недель принимал участие в крепостных работах, а затем был переведен в укрепление Гебеджи. 2 сентября 1829 года был подписан Адрианопольский мирный договор, завершивший войну с Турцией.

Высочайшим приказом от 6 апреля 1830 года Одесскому полку за отличия в делах с неприятелем в кампанию 1828–1829 годов были пожалованы серебряные трубы без надписи. В сентябре того же года полк выступил с биваков под Варной и, вернувшись в Россию, разместился на постоянных квартирах в окрестностях города Староконстантинова Вольнской губернии.

В 1833 году в русской армии были проведены крупные преобразования. По утвержденному «Положению о преобразовании частей гренадерской и армейской пехоты» от 28 января 1833 года

и по особому высочайшему повелению от 3 июня 1833 года 19-я пехотная дивизия была переименована в 15-ю, а Одесский пехотный полк переименован в Одесский егерский полк.

Высочайшим указом от 25 июня 1838 года всем полкам армии и гвардии, имеющим знамена и существующим непрерывно более 100 лет, были пожалованы на знамена, а кавалерии — на штандарты особые орденские ленты, на которых указывался, в частности, год основания и первоначальное наименование полка. В случае формирования полка из нескольких разных батальонов старшинство полка считалось по дате формирования более старого батальона «...считать старшинство по сильнейшей части, в состав его поступившей...»⁵. Эта дата и ставилась на лентах. Для полков, существующих более ста лет, были установлены Александровские, а для существующих более двухсот лет — Андреевские ленты. Тогда же было введено положение об установке на древках полковых знамен золоченых скоб с соответствующим царским вензелем и надписями, указывающими годы формирования и названия полков, из которых данный полк сформирован. На скобах также указывались годы пожалования знамен и название полка и батальона, которому принадлежит знамя и, наконец, те надписи, которые были пожалованы полку (батальону) за боевые отличия. Для полков сама дата их образования имела очень большое значение, так как, чем «древнее» полк, тем выше его престиж и тем почетнее служба в этом полку.

При исчислении старшинства Одесского полка, согласно приведенному выше указу, были приняты следующие основания. 1-й, 2-й и 5-й батальоны до преобразования армейской пехоты в 1833 году принадлежали к прежнему составу Одесского пехотного полка, сформированного в 1811 году из рот Углицкого, Московского и Архангелогородского гарнизонных полков (о Казанском не упоминается). Углицкий полк был сформирован при Петре I в 1708 году под названием Гренадер-

⁵ *Попов Ф.Г.* История 48 пехотного полка. М., 1911. Т. 1. С. 355–356.

ский Бильса полк; основой для Московского и Архангелогородского полков послужили полки, сформированные несколько позже, в 1711 году. Каждый из этих полков, как выделившийся в состав Одесского полка не менее полубатальона, передавал последнему и свое старшинство. Одесский полк получил старшинство с 1708 года, то есть с момента образования Гренадерского Бильса полка, впоследствии Углицкого, как старейшего из всех этих полков, и таким образом, обретал право на Александровские ленты на знамена.

В 1835 году Одесский егерский полк стоял лагерем в Киеве, а с мая 1836 года квартировал в Царстве Польском, откуда в октябре того же года был перемещен к границам Австрийской империи. В 1840 году полк перевели в Каменец-Подольск, а в 1842 году — вновь в Киев, где полк был занят на крепостных работах.

В 1848 году революционные выступления охватили всю Европу, особенно сильны они были во Франции и в Австрийской империи Габсбургов. Венгрия, входившая в состав империи, провозгласила свою независимость и начала вооруженную борьбу против Австрии, положение которой к весне 1849 года стало критическим. По просьбе императора Франца-Иосифа Николай I направил в Венгрию три корпуса под командованием генерал-фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича-Эриванского. В течение двухмесячного Венгерского похода Одесский полк участвовал в мелких стычках при Токае и Дебречине. В боевых действиях полк потерь не имел, однако вспышка холеры унесла жизни более двухсот человек. В сентябре 1849 года одесскцы вернулись в Россию, а весной следующего года полк расположился в окрестностях Ровно.

Вторая половина XIX века принесла России новые испытания, в 1853 году началась Крымская (Восточная) война. Этой войне между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства посвящено много различной литературы, к которой и отсылаю всех интересующихся. Мы же рассмотрим только те

эпизоды войны, в которых принимал непосредственное участие Одесский полк.

21 июня 1853 года русские войска под общим командованием князя М.Д. Горчакова вступили в дунайские княжества Молдавию и Валахию, находившиеся под номинальным суверенитетом турецкого султана. Одесский полк находился в составе Мало-Валахского отряда, который занимал тридцатикилометровую позицию вдоль Дуная, отряд полковника А.К. Баумгартена занимал передовую позицию у села Четати, лежавшем в километре от Дуная. До ближайшего отряда генерала А.К. Бельгарда было 12 км, а Одесский полк стоял на позициях отстоявших еще дальше, в 24-х км от Четати. Для поддержки этого семитысячного отряда была направлена дивизия генерала П.П. Липранди.

Турки решились предупредить усиление русских войск нападением на отряд А.К. Баумгартена, в котором было всего около трех тысяч человек. Утром 25-го декабря 1853 года 18-тысячный отряд неприятельской конницы и пехоты атаковал русские позиции, но встреченный огнем наших орудий и стрелков, отступил. Через короткое время была отбита и вторая атака. Получив артиллерийскую поддержку, турецкая пехота вновь перешла в наступление, но была отбита штыковой атакой. Натиск противника постоянно усиливался, турки вводили все новые и новые свежие войска, упорный бой происходил более двух часов. Отбив очередную атаку противника, полковник Баумгартен лично повел в штыковую атаку батальон Тобольского полка, натиск русских войск был столь стремителен, что турки спешно отступили, оставив на поле боя два орудия с зарядами. Однако, выдвинув батарею в шесть орудий, турецкие войска возобновили наступление. Кровопролитный бой уже длился около четырех часов; русские артиллеристы израсходовали свои снаряды, и стали стрелять картечью, захваченной у противника. Отряд Баумгартена понес большие людские потери, артиллерия израсходовала весь боеприпас. Турецкие войска готовились

к новой атаке, как вдруг в их тылу раздались пушечные выстрелы — это пришел на выручку Одесский полк. Турки, узнав о появлении в их тылу русских войск, прекратили наступление на Баумгартена и обрушились на одесцев. Под сильным огнем противника, теряя целые ряды, роты, впереди которых шли командиры, перешли в наступление. «...егерские роты с генералом Жигмонтом, раненом в самом начале пульей в правую лопатку, выдержав убийственный огонь целого батальона, стремительно атаковали передовую позицию турок, выбили из окопа и, не дав опомниться, на их плечах ворвались в другой <...> здесь дело доходило до штыков несколько раз. Полковник Захаров, майор Стефанский и несколько офицеров были убиты, у генерала Бельгарда <...> шинель была пробита 11 пулями»⁶. Собравшись около своего раненого полкового командира, 7-я и 8-я роты Одесского полка хладнокровно допустили к себе на 80 шагов турецкую кавалерию и открыли по ней сильнейший огонь; в несколько минут все пространство кругом было завалено трупами неприятельских всадников и лошадей. А генерал Бельгард с двумя батальонами несколько раз бросался в штыковые атаки. В ходе отчаянной рукопашной схватки путь для отхода тобольцам был открыт, и полк был спасен. Встретясь с одессцами, тобольцы обнимали их, называя своими спасителями; а командир Тобольского полка полковник Баумгартен в письме к генерал-лейтенанту Бельгарду выразил благодарность, заметив, что своим своевременным прибытием и храбростью, одесцы спасли Тобольский полк.

За бой при Четати Одесский полк получил на Георгиевские знамена дату этого сражения, а генералу С.О. Жигмонту, дважды раненому в этом бою, была пожалована золотая шпага с бриллиантами и надписью «За храбрость». В ходе дальнейших боевых действий Одесский полк участвовал в небольших стычках с противником, нес аванпостную службу.

⁶ *Попов Ф.Г.* История 48 пехотного полка. М., 1911. Т. 2. С. 49–51.

В начале сентября 1854 года английские и французские войска начали высадку на Крымском побережье. В это время Одесский полк в составе своей дивизии совершал тяжелый переход из Малой Валахии к Севастополю. Выступив из города Слатина 6 июня и не делая никаких остановок, кроме обычных дневок, полк 10 октября прибыл к конечному пункту своего движения, к селению Чоргуну, близ Балаклавы. 13 октября 1854 года в сражении при Балаклаве Одесский полк, входивший в отряд полковника А.П. Скюдери, взял штурмом турецкий редут № 4.

1855 год застал полк в окрестностях Севастополя на Инкерманских высотах, полк не имел определенного места расположения, а в зависимости от боевой обстановки переводился с одной позиции на другую. Войдя в состав гарнизона, одесцы участвовали в отражении штурма 6 июня, а 4 августа 1855 года полк принял участие в сражении на реке Черной. Одесский полк входил в отряд генерала П.П. Липранди, который должен был переправиться через реку Черную и захватить предмостные укрепления. «Одесцы лихо кинулись бегом на мостовое укрепление <...> неприятель отступил за водоводный канал. Овладев предмостным укреплением и перейдя реку Черную частью по мосту, частью же в брод (глубина воды была до плеч) войска <...> быстро продолжали преследование неприятеля. Ни глубокий ров, ни картечи, ни штуцера неприятеля не остановили Одесцев; французы были вышвырнуты штыками из главной своей батареи. Пробежав укрепления, сооруженные из земляных мешков, Одесцы бросились на французскую батарею <...> и захватили ее врасплох...»⁷. Войска генерала Липранди выполнили свою задачу. «Однако сломить сопротивление противника не удалось, и к 10 часам, русские войска, понесшие большие потери от артиллерийского и ружейного огня противника, были

⁷ *Понов Ф.Г.* История 48 пехотного полка. М., 1911. Т. 2. С. 86–87.

отведены от реки Черной. На этом сражение закончилось»⁸. Во время этой атаки полк потерял своего храброго командира полковника Александра Петровича Скюдери, из строя было 35 штаб- и обер-офицеров и более 1000 (почти две трети) нижних чинов.

За дело на реке Черной 119 нижним чинам полка были пожалованы знаки отличия Военного ордена, а полк получил на Георгиевские знамена дату этого сражения. После оставления Севастополя Одесский полк занял позицию у Инкерманского монастыря. 28 октября на Главную квартиру армии, находившуюся тогда в Бахчисарае, прибыл Александр II, который в течение четырех дней производил смотр войскам. Вскоре после отъезда императора последовал высочайший приказ о пожаловании всем защитникам Севастополя в память их подвигов серебряной медали на Георгиевской ленте. Одесский же полк в награду за труды, понесенные в походах, за постоянное мужество и храбрость, получил новые Георгиевские знамена с надписью: «В воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 25 декабря 1853 года при Четати, 4 августа 1855 года на реке Черной и за Севастополь в 1854 и 1855 годах», с сохранением в первых двух батальонах прежней надписи: «В воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 17 и 20 января 1814 года под Бриен-Ле-Шато и Ла-Ротиер».

Таким образом, Каспийский полк унаследовал от 4-го, 5-го и 6-го батальонов 48-го Одесского полка следующие боевые отличия:

- Старшинство с 1708 года;
- «Гренадерский бой», замененный позднее «Боем за военные отличия»;
- Знаки на головные уборы с надписью «За отличие» (Высочайший приказ от 3 мая 1814 года);
- Георгиевское знамя с надписью: «В воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 1814 г. Января 17-го, при

⁸ *Строков А.А.* История военного искусства. СПб., 1994. С. 473.

Бриен-Ле-Шато и 20-го при сел. Ла-Ротьер» (Высочайший приказ от 25 апреля 1815 года);

— Георгиевское знамя с надписью: «За особые отличия при Четати, 25-го Декабря 1853 г., на р. Черной 4 Августа 1855 г. и за Севастополь, 1854 г.» (именно это знамя считалось знаменем полка).

25 марта 1864 года последовал высочайший указ, по которому всем армейским пехотным и кавалерийским полкам, повелевалось кроме названия, именоваться еще и по номерам. С этого дня Каспийский полк стал 148-м пехотным Каспийским полком.

КАСПИЙСКИЙ ПОЛК В КРОНШТАДТЕ

После умирения польского восстания 1863–1864 годов и нормализации политической обстановки в Европе в стране была проведена частичная демобилизация, но все вновь сформированные дивизии остались в строю. К началу 1865 года Каспийский полк полностью сосредоточился в Чебоксарах, а зимой его перевели в Алатырский уезд Самарской губернии.

В правление Александра II Россия значительно расширила свои владения в Средней Азии: были присоединены Семиречье, Бухара, Хива, Фергана и другие области. События в Средней Азии потребовали усиления войск Оренбургского края, и в 1865 году 3-й батальон каспийцев был направлен в форт «Перовский» (современный город Кызыл-орда, центр Кызылординской области Казахстана. — *Р.А.*).

Трое солдат этого батальона: Никифор Егоров, Михаил Румянцев и Михей Урусов приняли участие в экспедиции Н.М. Пржевальского. «Каждый солдат и казак, кроме положенного казенного содержания, получали по 20 рублей ежемесячно»¹.

Во время перехода через горы унтер-офицеру Егорову пришлось пережить тяжелое испытание. Посланный вместе с казаком преследовать раненого яка, он отбилсЯ от своего товарища

¹ *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883. С. 2–3.

и заблудился в горах. Искали его пять дней, а на шестой, считая Егорова погибшим, экспедиция тронулась в дальнейший путь. «Спустя около часа после того как мы вышли с привала, казак <...> заметил своими зоркими глазами, что вдали <...> кто-то спускается с гор по направлению нашего каравана. Сначала мы подумали, что это какой-нибудь зверь, но вслед за тем я рассмотрел в бинокль, что то был человек, и никто иной как наш, считавшийся уже в мертвых Егоров. Через полчаса Егоров был возле нашей кучки, в которой в эту минуту все плакали от волнения и радости. Страшно переменялся за эти дни наш несчастный товарищ, едва державшийся на ногах. Лицо у него было исхудалое и почти черное, глаза воспаленные, губы и нос распухшие, покрытые болячками, волосы всклокоченные, взгляд какой-то дикий. Тотчас мы дали Егорову немного водки для возбуждения сил, наскоро одели, обули в войлочные сапоги и, посадив на верблюда, пошли дальше. Через три версты встретился ключ, на котором мы разбили свой бивак. Здесь напоили Егорова чаем и покормили немного бараньим супом. Затем обмыли теплою водою израненные ноги и приложили на них корпию, смоченную в растворе арники из нашей походной аптеки; наконец больному дано было пять гран хины и он уложен спать»². Егоров рассказал товарищам, что он заблудился в горах и все эти дни жевал кислые листья ревеня и питался сырым мясом зайца, которого подстрелил. По окончании экспедиции унтер-офицер Егоров был награжден Георгиевским крестом.

В 1867 году 3-й батальон вернулся в полк, и батальоны были переведены в Чембарский уезд Пензенской губернии. Отсутствие благоустроенных казарм, налаженных запасов продовольствия и фуража приводило к частому перебазированию войсковых частей на новые места, поэтому в сентябре 1868 года Каспийский полк оказался уже в Краснослободском уезде той же Пензенской губернии. Но через год, в апреле 1869 года,

² *Пржевальский Н.М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883. С. 141–142.

37-ю пехотную дивизию перевели в Санкт-Петербургский военный округ, который являлся важнейшим в государственном отношении. Составляя 1/3 территории европейской России с населением около 15 млн человек, он включал в себя Санкт-Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую и Архангельскую губернии и несколько уездов других губерний. Впоследствии к этому округу были присоединены Рижский военный округ и Княжество Финляндское.

В Санкт-Петербурге, столице Российской империи, находились высшие и центральные учреждения военного и военноморского ведомств, все высшие и большинство средних военноучебных заведений, многие крупные военно-промышленные предприятия. Ввиду особой важности Санкт-Петербургского военного округа он требовал и особых мер для своей безопасности. В самом городе и его пригородах располагались Гвардейский корпус, XVIII-й и XXII-й армейские корпуса, в Балтийском море спокойствие столицы надежно защищала большая часть российского императорского флота и целый ряд первоклассных крепостей. Вот в этот сильнейший военный округ и влилась 37-я пехотная дивизия, в которой находился и Каспийский полк.

Началась служба в новых условиях, требовавших особой ответственности и боевой выучки. «Особенно много потрудились для устройства и обучения Каспийского полка начальник 37-й пехотной дивизии генерал-майор Ченгеры, при котором Каспийцы имели счастье, в 1869 году, в первый раз представляться на смотр государю императору Александру II в Красном селе. Уже тогда полк заслужил, вместе с другими полками дивизии, лестный отзыв самого государя: “37-я пехотная дивизия во время лагерного сбора постоянно меня радовала, тем более, что войска ея сформировались заочно, вдали отсюда, однако не было заметно, чтобы все установившееся здесь издавна поражаало их новизною, и они ни в чем не отставали от других”»³.

³ Курбатов А.А. Историческая памятка каспийца: 1811–1911. СПб., 1911. С. 56.

После майских красносельских сборов Каспийский полк расположился в Пскове, где и простоял до сборов 1873 года, а затем был направлен в Кронштадт к новому месту службы. Кронштадтская крепость, прикрывавшая морской путь к Петербургу, считалась наиболее мощной из морских крепостей в Европе. Еще недавно она держала на почтительном расстоянии флот союзников, пытавшийся осуществить прорыв к российской столице. Петр I, начиная строительство крепости для защиты города на Неве, отлично понимал возможность высадки десантов противника, и с 1705 года в крепости постоянно несли боевую службу сменявшие друг друга пехотные полки.

По прибытии в Кронштадт полк разместился в бараках, а в октябре 1873 года перешел в новые казармы на Северном бульваре. Началась обыкновенная будничная гарнизонная жизнь. Для офицеров и нижних чинов время шло по расписанию нарядов и учений. После завтрака в подразделениях начинались различные занятия, после обеда — разводы нарядам на следующий день. Самым трудным и ответственным было несение караулов в Санкт-Петербурге, при императорских дворцах и правительственных учреждениях, казармах и арсеналах, больницах и тюрьмах, провиантских и винных магазинах, на площадях и у городских ворот, всего более 60-ти постов. На несение караульной службы приходилось отправлять до 500 и более человек.

25 декабря 1873 года Каспийский полк праздновал свой полковой праздник и вместе с тем десятилетие своего существования. «Собрались все приглашенные <...> из начальствующих лиц полка: командир бригады генерал-майор Н.П. Глиноецкий, командир полка полковник Тилло. Были провозглашены тосты за командира бригады генерал-майора Глиноецкого, за прежних полковых командиров 148 полка: полковников Меньшова и Богацевича (ныне генерал-майор и командир 2-й бригады 5-й пехотной дивизии), за преуспеяние полка и за 48-й пехотный Одесский полк, как за прародителя 148-го Каспийского

полка. От убывшего из Кронштадта Омского полка Каспийский полк принял помещение для своей походной церкви на Павловской улице, в доме Головарева»⁴.

В 1876 году каспийцы получили благодарность Александра II за отличное состояние полка, в последующие годы император также не раз отмечал прекрасную выучку полка.

В период русско-турецкой войны 1877–1878 годов, когда Гвардейский корпус покинул Санкт-Петербург и отправился на Балканы, Каспийский полк находился в Петербурге и его окрестностях, где нес караульную службу вместо гвардии. Несли каспийцы караульную службу и в Петергофе.

1 января 1874 года Александр II утвердил Закон о всеобщей воинской повинности. По принятому положению воинской повинности подлежали все без исключения лица мужского пола, достигшие 21 года. Общий срок службы определялся в пятнадцать лет: шесть лет в строю, девять лет в запасе, до 36 лет. Через два года срок действительной службы был сокращен до пяти лет.

Проводимые в стране и армии реформы позволили улучшить быт как нижних чинов, так и офицерского состава. Офицерам повысили жалованье, при полках были созданы офицерские собрания со столовыми и библиотеками. Хорошая полковая библиотека имела и в Каспийском полку, в ней бережно хранились вещи, принадлежавшие известному поэту офицеру Семёну Яковлевичу Надсону, служившему в полку с августа 1882 по июль 1884 года.

По окончании Павловского военного училища Надсон выбрал службу именно в Кронштадте, в Каспийском полку. О причине такого выбора вспоминал соученик Надсона П. Иванов: «Судьба его была решена. Он будет служить в Кронштадте — его мечта осуществилась. Он будет близко от любимого А.Н. Плещеева; будет с ним часто встречаться, будет переписываться. Словом, Надсон в эту минуту был совершенно

⁴ Кронштадтский Вестник. 1874. 1 января.

счастливы»⁵. Сам Надсон достаточно скупо вспоминал о своей службе: «...надо было отправляться в полк, на службу, что отнимало около пяти часов в день <...>, в полку тоже веселья было не много, но зато время-то шло скорее и, главное, не так обидно бесплодно. Хочешь, не хочешь, а пять часов отсиди, за то тебе и жалованья в месяц идет пятьдесят два рубля — все-таки скука оправдывается материальным соображением»⁶. В октябре 1882 года Надсон писал поэту Плещееву: «Я пою здесь в любительском хоре морского собрания, буду участвовать в спектакле и устраиваю музыкально-литературные вечера в полку. Один уже был и прошел порядочно»⁷. Но служба сильно тяготила поэта, уже в декабре того же года он признавался Плещееву: «...скелет жизни уже начинает опять сквозить сквозь цветы, которыми я его убираю. Ночи не сплю, тоска иногда нападает страшная...»⁸.

Воспоминаний товарищей Надсона по полку не сохранилось. Располагавший только скромным жалованием, Надсон в начале 1883 года жил на Северном бульваре в доме Дьячкова, в квартире № 1 Красовского, а на следующий год снимал небольшую квартиру на углу Владимирской улицы и Козельского переулка, в доме наследников Никитина, в квартире № 1 капитана Григорьева. Поэт жил с товарищем по полку в двух комнатах, «довольно бедно и разбросанно, у него постоянно кто-нибудь сидел, шли шумные разговоры, споры, раздавались звон гитары и звуки скрипки. В Кронштадте, как и всюду, куда забрасывала Надсона судьба, он сейчас же становился центром кружка, собирал начинающих поэтов, пробующих писателей, любителей драматического и всяких других искусств. И кронштадтские непризнанные таланты находили у поэта

⁵ *Иванов П.* Воспоминания о С. Я. Надсоне // Сибирский наблюдатель. Томск, 1901. Кн. 12. С. 27.

⁶ *Надсон С.Я.* Проза. Дневники. Письма. СПб., 1912. С. 462.

⁷ Там же. С. 512.

⁸ Там же. С. 514.

самый теплый привет: образовалось даже юмористическое “Общество редьки”. Здесь, вокруг стола, установленного нехитрыми закусками и редькой во главе, местные поэты и музыканты развлекались поэзией и музыкой. Семен Надсон часто играл на сцене и читал стихотворения...»⁹.

В ноябре 1887 года небольшую полковую церковь во имя Рождества Христова, устроенную в доме купца Ф.А. Балабанова по Павловской улице, украсил новый иконостас из орехового дерева стоимостью около 1500 рублей. Резной иконостас с новым образом был сооружен по инициативе настоятеля храма отца Александра Велицкого. Через три года на средства офицеров полка была отремонтирована и вся церковь, а над входом построили небольшую деревянную колокольню; были приобретены новые церковные хоругви, паникадило и икона Святителя Николая Чудотворца, купец Балабанов пожертвовал богатое золотое шитье для облачения священника. 1-го октября 1890 года новую церковь торжественно освятили. При церкви был прекрасный хор, составленный из полковых музыкантов, нижних чинов и мальчиков полковой школы. Музыкантов готовили в самом полку, принимая на обучение грамотных мальчиков до 14-лет, которых держали на полном полковом иждивении.

В конце XIX века по инициативе командира полка полковника А.А. Адлерберга в полку был организован постоянный солдатский театр. Устройством спектаклей занимался полковник И.А. Суренкин, в помощь которому от каждого батальона было назначено по офицеру, таким образом, в каждом батальоне сформировалась своя труппа. Спектакли давались по воскресеньям; это были небольшие комические пьесы и водевили в одном или двух действиях. По газетным объявлениям того времени удалось установить названия этих спектаклей: «Светопредставление», «Производство в унтер-офицеры», «Отставной трубач», «Воскресный день у фельдфебельши», «На хуторе»,

⁹ Полн. собр. соч. С.Я. Надсона. Пг., 1917. Т. 1, кн. 1. С. XXVI–XXVII.

«За тридевять земель», «Пушка», «Фельдфебельский камчадал», «Демьянова уха». Нижними чинами разыгрывались и «живые картины», такие как «Подвиг рядового 77-го пехотного Тенгинского полка Архипа Осипова», «Случай с унтер-офицером Егоровым во время экспедиции Пржевальского в Центральную Азию», «Подвиг рядового лейб-гвардии Финляндского полка Коренного», «Смерть майора Горталова» и «Подвиг трех прапорщиков лейб-гвардии Драгунского полка у оружия». На спектаклях присутствовали офицеры полка с семьями и знакомыми, много было приезжих из Петербурга. Нижним чинам также разрешалось приглашать своих родных и знакомых.

В 1883 году Александр III повелел сократить число знамен в пехотных полках до одного, а знамена 2-го, 3-го и 4-го батальонов хранить при полках как регалии и выносить только в дни полковых праздников, на парад в день праздника Святого Георгия и на инспекторские смотры.

В Каспийском полку знамя 1-го батальона с Александровскими лентами сделалось полковым. В 1884 году, в приказе по Военному Ведомству за № 96 было объявлено «Расписание 164 пехотных полков с показанием старшинства и знаков отличия, которые должны быть им присвоены», согласно этому приказу старшинство Одесскому (и соответственно Каспийскому) полку определено считать с 6 ноября 1811 года, а прежнее старшинство с 1708 года было отменено, таким образом Каспийский полк сразу же «помолодел» практически на столетие.

Входивший в 37-ю дивизию Каспийский полк всегда отличался хорошей строевой выправкой нижних чинов, командование полка проявляло заботу о солдатах, что неоднократно отмечалось и высшим командованием. Так, исполняющий обязанности начальника Канцелярии Военного министерства генерал А.Ф. Редигер, который в 1897 году во время летних сборов командовал 2-й бригадой 37-й пехотной дивизии, а в 1905 году стал военным министром России, в своих мемуарах писал: «Командир Каспийского полка Адлерберг проявлял больше

заботливости относительно нижних чинов; он завел котлы, обмотанные войлоком, так что полк получал пищу тотчас по приходе на бивак; он умел влить энергию в подчиненных, и тактическая и стрелковая подготовка у каспийцев была лучше, чем у самарцев»¹⁰.

Питание офицеров у каспийцев тоже было поставлено лучше, так как Редигер столовался в Каспийском полку. Между командованием полка и Редигером сложились достаточно доверительные отношения. «В Каспийском полку был фотографический аппарат, которым увековечивались сцены из жизни полка. В конце года я получил от полка на память описание лагерного и подвижного сборов со вклеенными в него фотографиями, живо напоминающими об отдельных эпизодах того лета. Со своей стороны я отблагодарил полк поднесением ему серебряного кубка»¹¹.

В начале XX века в русской армии стали проводиться первые опыты по использованию беспроводного телеграфа, то есть первых радиостанций, изготовленных А.С. Поповым и его помощниками — П.Н. Рыбкиным и капитаном Д.С. Троицким. Опыты по созданию переносных станций, в основу которых были положены приборы, сконструированные Поповым, проводились еще в 1899 году на Кронштадтском военном телеграфе, начальником которого в то время был Троицкий. К весне 1901 года было принято решение об испытании этих аппаратов в полевых условиях; испытания решили проводить в Каспийском полку. «В марте месяце 1900 года командир 148-го пехотного Каспийского полка решил произвести целый ряд опытов ввиду выяснения пригодности телеграфирования без проводов для нужд специально полевой войны и параллельно с этим обучить нижних чинов охотничьей команды способам сигнализации <...>. Главную задачу предпринятого в Каспийском полку дела являлось,

¹⁰ Редигер А.Ф. История моей жизни. М., 1999. С. 258.

¹¹ Там же. С. 259.

таким образом, всестороннее выяснение возможности пользоваться услугами телеграфа без проводов при всех условиях похода военного времени, так как само дело было уже настолько разработано путем кабинетных работ, что не было никаких сомнений в громадной пользе этого способа передачи известий при условиях спокойного расположения на месте»¹². Для испытаний была сформирована специальная команда из четырех нижних чинов, вольноопределяющего инженер-технолога Обнисского и начальника охотничьей команды поручика Ковесского 1-го.

Занятия начались в конце марта 1900 года под непосредственным руководством капитана Д. Троицкого и П. Рыбкина. Сначала солдат обучили телеграфному делу на обыкновенных аппаратах Морзе, а затем на аппаратах Попова. После обучения начались сами испытания, которые проходили в различных погодных условиях и на различных расстояниях. Поручик Ковесский вел весьма подробный дневник, в который заносил все депеши и описывал обстановку, в которой пришлось работать. «В нынешнем году — отмечал он — во время подвижного сбора и больших маневров Петербургского военного округа в 148-м пехотном Каспийском полку был произведен ряд опытов по телеграфированию без проводов, давших <...> интересные результаты по применению этого дела к целям полевой войны...»¹³. Несмотря на несовершенство аппаратуры, ее зависимость от погодных условий и громоздкость (магнитно-электрическая машина весила около пятидесяти килограмм, и ее перевозили в обозе), все хорошо понимали значение радиосвязи и ее использования в армии. «24-го июля обе станции опять работали весьма успешно <...> и были подробно осмотрены командиром 1-го армейского корпуса, генералом от кавалерии бар. Мейендорфом, кото-

¹² Опыты телеграфирования без проводов в 148-м пехотном Каспийском полку // Военный сборник. СПб., 1901. № 2. С. 125.

¹³ Там же. С. 105.

рый лично передавал депеши, а также принимал их на слух в телефон»¹⁴, — записывал Ковесский.

Спокойная, размеренная жизнь полка в Кронштадте продолжалась еще почти два десятилетия, но в самом конце XIX века было принято решение о переводе 148-го Каспийского полка в Петергоф.

¹⁴ Опыты телеграфирования без проводов в 148-м пехотном Каспийском полку // Военный сборник. СПб., 1901. № 2. С. 130.

КАСПИЙСКИЙ ПОЛК В ПЕТЕРГОФЕ

Петергоф в значительной степени представлял собой военный город, в котором располагался большой военный гарнизон и проживали семьи офицеров и нижних чинов, жители города участвовали в полковых праздниках и посещали полковые церкви, по воскресным и праздничным дням в парках играли военные оркестры. В начале XX века в Петергофе постоянно размещалось несколько полков при общей численности около четырех тысяч человек, что составляло четвертую часть всего его населения¹.

Наряду с гвардейскими кавалерийскими полками в летней императорской резиденции было решено разместить и армейский пехотный Каспийский полк.

В мае 1901 года южнее вокзала Новый Петергоф, между деревней Луизино и полотном железной дороги, началось строительство казарм. Для постройки был выбран участок принадлежавший колонистам Лорерам, которым выплатили компенсацию в размере 13174 руб. 83 коп.² План новых казарм был утвержден Комиссией при Военном совете в августе 1900 года, а в мае следующего года началось строительство церкви, здания полкового штаба и каменных казарм для 1-го и 2-го батальонов.

¹ *Гущин В.А.* История города Петергофа и его жителей. СПб., 2001. Т. 1. С. 346.

² Там же. С. 398.

Особое внимание уделялось строительству новой церкви. Еще в самом начале 1900 года военный министр генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин подготовил на имя императора Николая II доклад, в котором предлагал меры по улучшению быта нижних чинов. Среди многих предложений было и предложение о необходимости постройки при всех частях, в которых по штату положены священники, вместительных и недорогих полковых церквей. Николай II поддержал предложение военного министра. По поручению специально созданной комиссии архитектор Федор Михайлович Вержбицкий разработал образцовый проект полковой церкви, отвечающей требованиям и канонам русского православия. Высочайше утвержденный типовый проект был впервые воплощен именно в Петергофе при строительстве церкви для 148-го пехотного Каспийского полка, освященной во имя святой великомученицы Анастасии Узорешительницы. «Имя Св. Анастасии, данное Каспийской церкви, не было случайное — оно было дано в честь радостного события рождения 5-го июня 1901 года, у царя и царицы — четвертой дочери — великой княжны Анастасии Николаевны. С тех пор Каспийский полк стал праздновать свой полковой праздник 22-го декабря, в день св. великомученицы Анастасии Узорешительницы»³.

30 июня 1901 года в 3 часа дня в присутствии императора Николая II состоялась торжественная закладка церкви при вновь строящихся казармах Каспийского полка. Для присутствия при закладке Каспийский полк прибыл из Кронштадта на судне «Ижора» и баржах в Ораниенбаум, а оттуда походным порядком — в Петергоф.

На месте будущего храма был раскинут громадный шатер, в котором приготовлено место для богослужения, где собралось духовенство во главе с протопресвитером военного и морского ведомства А.А. Желобовским, хор певчих был от лейб-улан.

³ Курбатов А.А. Историческая памятка каспийца: 1811–1911. СПб., 1911. С. 58.

К двум часам дня Каспийский полк построился на плацу, вскоре прибыли командующий гвардией и Петербургским военным округом великий князь Владимир Александрович. В три часа к месту закладки храма прибыл Николай II, император был в форме 145-го пехотного Новочеркасского полка (первый полк 37-й пехотной дивизии). Приняв рапорт командира полка полковника барона Ф.Ф. Таубе, император, поздоровавшись с полком, прошел к месту закладки полкового храма и уложил первый кирпич в основание храма. Пока каспийцы перестраивались для церемониального марша, Николай II рассмотрел план строительства казарм и выслушал рапорт председателя строительной комиссии генерала П.П. Дягилева и гражданского инженера В.В. Бочарова. Затем начался церемониальный марш, после которого Николай II поблагодарил всех офицеров и нижних чинов за парад⁴.

Работы велись довольно быстро, уже к августу было окончено строительство полковой церкви и казарм для трех батальонов. Для офицеров было построено восемь двухэтажных каменных флигелей, рассчитанных на 75 семейных и холостых офицеров. Параллельно им, по другую сторону плаца, построили три трехэтажных каменных здания казарм для размещения в них нижних чинов, учебной, музыкантской и нестроевой команд. В каждом из этих зданий на первом этаже имелось по восемь столовых комнат, ротные кладовые для оружия и амуниции; на втором и третьем этажах находились отдельные комнаты для вольноопределяющихся и нижних чинов, умывальные комнаты; вместо обычных нар были установлены металлические кровати. Напротив церкви для командира полка построили небольшой одноэтажный дом. Для приемного покоя и лазарета, рассчитанного на 20 кроватей, было выстроено двухэтажное каменное здание. Также были построены кузница, пекарня, ледники, кладовые, сараи и баня для нижних чинов. Полковые постройки, расположен-

⁴ Котлин. 1901. 3 июля.

ные на территории в 20 гектаров, кольцом охватывали полковой учебный плац пространством в шесть гектаров, часть плаца занимал полковой сад и полковой огород — каждый по одному гектару. Все работы велись под наблюдением специальной строительной комиссии и обошлись более чем в 900 тыс. рублей.

В комиссию по строительству входили: председатель комиссии — командир 2-й бригады 37-й пехотной дивизии генерал-майор П.П. Дягилев, члены комиссии — командир полка полковник барон Ф.Ф. Таубе, подполковник Н.Ф. Антонович, подполковник Г. Бейнар, гражданские инженера В.В. Бочаров и А.Г. Успенский, делопроизводитель штабс-капитан Н.М. Гимельман и исправник К.Д. Шилейко.

Примечательно, что дети двух членов комиссии внесли яркий вклад в русскую культуру. Сын П.П. Дягилева — Сергей Павлович Дягилев, вошел в историю мировой культуры как выдающийся художественный и театральный деятель, организатор художественных выставок в России и за границей, а также русских музыкальных сезонов в Париже и Лондоне. Сын К.Д. Шилейко — Владимир Казимирович Шилейко, родившийся в Петергофе и в 1909 году окончивший петергофскую гимназию императора Александра II с золотой медалью, впоследствии известнейший востоковед, автор многих переводов шумерской и аккадской поэзии. Интересно и то, что инженер Александр Глебович Успенский был сыном известного русского писателя Глеба Успенского.

31 октября 1902 года два батальона каспийцев прибыли в Петергоф, а 4-й батальон пока остался в Кронштадте, так как для него помещения еще только строились. На вокзале каспийцев встречали делегации от города и от всех петергофских полков. По случаю перехода полк получил приветственные телеграммы от высшего командования, поздравило новых соседей и командование гвардейских петергофских полков⁵.

⁵ Котлин. 1902. 2 ноября.

5 июня 1903 года в 10 часов утра, в день рождения великой княжны Анастасии Николаевны, в присутствии императорской фамилии, свиты и многочисленных гостей состоялось торжественное освящение церкви во имя святой Анастасии.

Новая церковь представляла собой одноэтажное кирпичное здание, снаружи выкрашенное масляной краской и увенчанное большим куполом над алтарем. Над западным входом возвышалась высокая колокольня, на которой было установлено девять колоколов; главный колокол весил 168 пудов. Пол церкви был выложен разноцветной метлахской плиткой. В иконостасе светлого резного дуба, исполненным в византийском стиле, помещалось 13 образов, написанных художниками Общества вспомоществования русским художникам. Над царскими вратами полукругом располагалась надпись: «Больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя». Посреди потолка была укреплена большая бронзовая люстра, отделанная эмалью, которая, как и вся церковная утварь и священническое облачение, была приобретена на полковые средства. Церковь была рассчитана на 900 нижних чинов, а также офицеров и их семей. Вся постройка, строго выдержанная в русском стиле, обошлась в 49000 рублей. Через полгода церковным старостой был утвержден петергофский купец В.И. Комендантов.

На торжество освящения церкви 148-го Каспийского полка прибыла делегация из Кронштадтского городского управления, в которую входили: генерал-майор П.Н. Меньшой, члены городской управы А.Ф. Ушаков и Т.А. Щеголев, секретарь городской управы П.А. Хвицкий. Кронштадтцы поднесли Каспийскому полку образ-складень, в середине которого было изображено Рождество Христово, а по краям — св. Великомученица Анастасия и покровитель Кронштадта св. Андрей Первозванный. Был также поднесен адрес, заключенный в бювар сафьяновой кожи темно-зеленого цвета с гербом города Кронштадта на обложке и надписью следующего содержания: «Тридцать лет, в течение которых доблестный 148 пехотный

Каспийский полк находился в Кронштадте, он оставил у нас, граждан, самые светлые воспоминания и за долгие годы мы привыкли считать славный Каспийский полк своим исконным гражданином и любимым членом нашего общества. Расставаясь с полком и от всей души, желая ему дальнейшей славы и процветания, мы просим принять от нас на добрую память и благословление святую икону. Искренне поздравляем вас с сегодняшним великим событием в жизни полка — освящением полкового храма»⁶.

5 февраля 1904 года «...квартировавший в Кронштадте последний 4 батальон 148 пехотного Каспийского полка, ушел на постоянное квартирование в г. Петергоф. Перед выступлением батальон последний раз выстроился развернутым фронтом перед казармами, имея на правом фланге хор портовых музыкантов. В 11 1/2 часов прибыл исполняющий делами главного командира вице-адмирал А. К. Сиденснер — хор заиграл встречу. Поздоровавшись с батальоном, и. д. главного командира произнес речь, благодарил за службу. По отъезде адмирала батальон, построившись по отделениям, с музыкой направился к Петербургским воротам. Позади батальона потянулись подводы с солдатскими пожитками. На проводах каспийцев присутствовали городской комендант полковник Воротницкий, проводивший их до петербургских ворот и кронштадтский полицмейстер М. К. Стояновский»⁷.

С этого времени Каспийский полк уже в полном составе вошел в петергофский военный гарнизон.

⁶ Котлин. 1903 г. 4 июня.

⁷ Кронштадтский вестник. 1904. 6 февраля.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

1904 год

Уже более четверти столетия Россия не воевала, и вот, в новом веке, в новую эпоху, в новое царствование наша страна вступила в новую войну.

Напряженность в отношениях между Страной восходящего солнца и Российской империей переросла в январе 1904 года в вооруженный конфликт. История этой войны достаточно полно изучена историками, мы же рассмотрим участие в этой войне 148-го пехотного Каспийского полка.

Так как императорская гвардия в этой войне участия не принимала, то Каспийский полк был единственной частью петергофского военного гарнизона, принимавшей участие в войне с Японией. Гвардейские офицеры, желавшие воевать, отправлялись на Дальний Восток добровольцами. Так, 21 марта 1904 года лейб-гвардии Драгунский полк провожал на войну своих офицеров братьев Желтухиных, на проводах присутствовали многие чины гарнизона и жители Петергофа.

Весной 1904 года Каспийский полк находился в Большой Ижоре, где был занят на строительстве береговых фортификационных сооружений.

19 июня 1904 года вышел приказ о мобилизации 1-го Армейского корпуса под командованием генерала барона Ф.Е. Мейен-

дорфа, в который входили 22-я и 37-я пехотные дивизии и две артиллерийские бригады. Объявление о мобилизации корпуса застало 37-ю пехотную дивизию в лагере под Красным Селом.

В тот же день в Петергофе на липовой аллее Самсоновского канала состоялось испытание нового военного аэростата Максимовича. Воздушный баллон в виде шара из хлопчатобумажного или шелкового материала наполнялся водородом или гелием и поднимался на определенную высоту для наблюдения и подачи сигналов войскам. Для подготовки и проведения запуска аэростатов создавались воздухоплавательные отряды, имевшие специальное оборудование, часто весьма несовершенное. Аппарат облегченного типа, созданный на средства гражданского чиновника Сергея Константиновича Максимовича, был удобен для применения в полевых войсках. На испытаниях присутствовали император Николай II, великий князь Петр Николаевич, военный министр генерал-адъютант В.В. Сахаров и командир Учебного воздухоплавательного парка полковник А.М. Кованько. По окончании испытаний Николай II приказал сформировать для действующей армии Восточно-Сибирский полевой воздухоплавательный батальон. Во время русско-японской войны воздухоплавательные отряды вели воздушную разведку, корректировали орудийные стрельбы и оказали большую помощь артиллеристам и полевым войскам.

Жители Петергофа не остались безучастными к дальневосточным событиям и начали денежный сбор для армии: купец А.Я. Демин собрал среди жителей города около 2000 рублей на оказание помощи нижним чинам, получившим ранения, а крестьяне Петергофского уезда собрали и внесли на нужды войны 130 рублей. Собирались и вещевые пожертвования, 11 июня 1904 года в залах Английского дворца был открыт склад императрицы Александры Федоровны в пользу воинов действующей армии. Склад, которым заведовали княгиня Оболенская и светлейшая княгиня Голицына, работал ежедневно, кроме четвергов и праздничных дней, от 1 до 5 часов дня; принималось

пожертвование вещами, здесь же шилось и кроилось для армии различное белье. Склад помещался в двух этажах дворца. В комнатах верхнего этажа, где шили белье, было установлено около двадцати швейных машин, в нижних этажах помещались кладовые. В газетных объявлениях тех лет указывалось, что «...особенно нужны: медикаменты, медицинские принадлежности, хирургические инструменты, халаты для врачей и сестер милосердия, туфли, мягкая марля, ситец, полотно, белье, сапоги и кожа для их починки, сапожный приклад, портянки, иголки, нитки, пуговицы, консервы, молоко, кофе, чай, сахар, вино, коньяк, лимоны, сухая черника, сушеные овощи, макароны, вермишель, свечи, мыло, табак, папиросы, почтовая бумага и конверты»¹.

Оказывалась помощь и семьям призванных на военную службу, для чего был образован комитет, в пользу которого в Петергофском общественном собрании состоялся большой благотворительный спектакль.

По заказу Екатерины Комендантовой в Саровской обители для полковой церкви был заказан образ преподобного Серафима Саровского².

20 июля 1904 года император Николай II на Кадетском плацу произвел смотр 147-му пехотному Самарскому и 148-му пехотному Каспийскому полкам по случаю их отправления на Дальний Восток. «20-го июля. Вторник. В 2 1/2 на военном поле сделал прощальный смотр уходящим на днях в поход — Самарскому и Каспийскому полкам, которые представились в блестящем виде»³. На смотре присутствовали члены императорской фамилии и высшие чины Петербургского военного округа. Николай II от своего имени и от имени императрицы Александры Федоровны благословил полк иконою. В этот же день депутация города Петергофа во главе с бургомистром В.И. Петровым, ратма-

¹ Котлин. 1904. 21 мая.

² Гуцин В. А. Серафимо-Дивеевское подворье. СПб., 1999. С. 13.

³ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 220.

нами (ратман — выборный член городской ратуши. — Р.А.) Степановым, Демидовым, Рябининым и купеческим старостой Деминым поднесла полку икону от обывателей города. Председатель местного комитета Красного Креста генерал-майор Д.С. Плешко с членами комитета генерал-майором В.К. Вогаком, полковником Квашниным-Самариным, академиком А.И. Семеновым, коллежским ассессором Шумиловым, коллежским советником Авдуевским передали командиру полка деньги, собранные жителями города для Каспийского полка. Председатель биржевого комитета Санкт-Петербургской скотопромышленной биржи Н.А. Пузырев передал полку 6 пудов чая и 20 пудов сахара. В числе депутатий, провожавших Каспийский полк, была и депутация от лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка с его командиром бароном А.А. Будбергом, которая передала каспийцам икону.

Для частей 37-й пехотной дивизии был выделен товарный поезд, на крышах вагонов которого были устроены особые чердаки, обитые толем. Чердаки эти предназначались для перевозки багажа, чтобы не терялась напрасно грузоподъемность вагонов. При размещении в товарном вагоне 30–40 нижних чинов, весь груз равнялся 150–200 пудам, тогда как вагоны с чердаками могли взять до 350 пудов груза.

На Дальний Восток Каспийский полк отправился шестью эшелонами: первый эшелон выступил 24 июля в 12 часов дня, остальные — в следующие два дня. Каспийцев провожали войска Петергофского гарнизона, выстроенные шпалерами вдоль линии вагонов, было много жителей города и дачников.

Путь каспийцев был очень долгим: Москва — Рязань — Сызрань — Урал — Златоуст — Челябинск — Иссык-Куль — Омск — Мариинск — Красноярск — Канск — станция Иннокентьевская — Иркутск.

Так как еще не был построен участок дороги, огибавшей озеро с юга, на станции Байкал поезда втягивались на паром-ледокол «Байкал» и переплавлялись на противоположный берег. Зимой поезда шли по рельсам, уложенным по льду озера.

На станции Манчжурия полк пересел в вагоны Китайской железной дороги и двинулся дальше: ст. Цицикарь — Харбин — ст. Телин — ст. Хуштай.

В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи сохранилось несколько писем солдата Андрея Васильева, в которых он описывает путь полка на далекую и непонятную ему войну.

«5-го июня 1904 г. По прибытии нашем в полк выдали все солдату нужные вещи и стали гонять нас на занятия. Прошли курс стрельбы, а 5-го июня смотрел нас Великий Князь Владимир Александрович. А когда нас угонят, еще неизвестно, только все подготовлено; все обозные телеги стоят на улице и лошади, которые взяты у крестьян, тоже все здесь. Сапоги у нас все осмотрены; у кого годны свои, тому деньги будут выдавать, а у кого не годны, тем по двоим сапогам выдавать, и мне еще одни сапоги дали. В настоящее время здесь в полку есть продажа своих одежд, и дешево очень, потому что в полк пригнали тысячи четыре с лишком, и каждый был одевши. Здесь и Новгородские, и Петербургские, и Курляндской и Псковской губернии. А слышно ли у вас про войну? Если Господь будет помогать, то быть может и нам не нужно будет туда идти. Мы здесь каждый день читаем телеграммы, разносят по казармам, 5 коп. листок.

25-го июля. Я уже проехал здоровым и без скуки шесть губерний: Петербургскую, Новгородскую, Московскую, Тверскую, Рязанскую, Тамбовскую и Пензенскую. Уведомляю вас и Бога благодарю, нам ехать не грустно, потому что в каждом вагоне есть гармонь, а тем более нас интересует местность. Каждый час все новое, и всякую местность хочется посмотреть. На вокзале, как скоро остановится поезд, мы все с вагонов вон, и кто в гармонь играть, а кто плясать, а что будет дальше? Просто в вагонах поотдыхаешь. В каждом городе нас проводят все собирается публика, и многие бросают гостинцы, кто чай, кто сахар, кто табак, книги и газеты, и деньги. В Москве мы обедали, тоже в Бологове, в Сосине.

5-го августа. Я, слава Богу, жив и здоров и проехал уже 11 губерний, проехал уже Уральские горы, где копают золото. А как интересны эти горы; возвышается в ином месте такая ровная скала, как стена, и вышиною будет повыше нашей церкви, самого креста на шпилью. А на ней еще гора, и образуется вышина, на полверсты. Тепло все еще одинаково с нашим, но только мне кажется, солнце закатывается как будто раньше нашего. Да, милые мои, никогда я не думал, что мне так далеко бывать, где наша птица не может бывать. Вот уже 11 суток проехали и еще только одну треть объехали. Очень далеко. А про войну мы читаем живые газеты: везут в Россию раненых солдатиков, они нам и говорят, и ужасно смотреть, у кого руки насквозь прострелены, у кого нога, кому в плечо. Мы даже в городе ходили смотреть в больницу, когда им делали перевязку. Они говорят, что самый большой бой будет 15-го августа, а нам до тех пор не доехать, да там и без нас много. У одного Куропаткина 400000, а сколько у других генералов. Теперь говорят, будет такого рода бой, без отступок, чья возьмет. Помоги Бог нашим воинам победить врага.

10-го августа из Новониколаевска. Все еду дальше, проехал вот уже 12 губерний, и только наполовину продвинулись. Встречаем мы разного рода людей и их формы одежды. Встречали в Акмолинской области верблюдов, в г. Петропавловску обедали и ходили на луг смотреть верблюдов и даже катались, кто хотел, и, чудное дело, постучит мальчик по его шее и что-то ему по-своему скажет, а он такое животное большое, ложится на брюхо и садись, сколько хочешь. Хошь один, хошь вдвоем, потом поднимается и поезжай, куда хочешь. После этой области проехали Томскую губернию, и здесь три дня ехали, только пожня да лесок, а деревень за все эти дни по малости десяток, а все пустыня, прямая Сибирь. И в этих губерниях забрали всех запасных и сейчас готовят ратников, так что здесь забрали почти всех мужиков. Еще доехав в Новониколаевск, где дневали, пошли мы в реку купаться. Река Обь, ширина ее три четверти версты, здесь мы производили стирку белья,

смыли всех букашек, к которым мы уже привыкли. А про войну настоящую мы не знаем ничего, кто что говорит. Одни говорят, что 7-го августа побили наши 50000, а потом сказали, что вышли в Порт-Артур, а все неизвестно. Вот ужо подъедем поближе, так сами узнаем.

29-го августа. Мы ночевали в Харбине, а потом нам придется идти в бой за городом Харбином. Из Ляоляна наших выгнали, так что пока это письмо идет до вас, что-нибудь со мною и произойдет. Или меня домой пошлют японцы, или иное что. Въехали мы теперь в Китайскую землю, худо очень пахнет от китайцев, так что мне, купивши от них, ничего не съесть. Я у них ничего не беру, а все выбираю русских торговцев. Все здесь дорого, только чай дешев, 60 к. фунт, что у нас 2 р. 50 к.

31-го августа. За Харбином пошла земля плодородная, все растет проса и перловая крупа, и виноград; и сторона здесь пошла очень жаркая, стоит ведро. Мы будем занимать позицию около города Мукдена, 600 верст за Харбином. Местность здесь гористая, где скрывается наш враг. До нашего приезда возле города Ляоляна их побили и ранили до 60000 тысяч, а наших тысяч 18 выбыло из строя, был ужасный бой.

4-го сентября. Нахожусь близ города Мукдена, расположившись на бивуаке, при станции, но только не возле самой, так что купить ни ситнику, ни чего другого негде, нельзя и за деньги взять. Стоим в палатках. Ну здесь и местность! Поля засеяны все больше ковыльем (т. е. гаолян — однолетним травянистым растением рода сорго семейства злаков, распространенным в Корее, Китае, Японии. — *Р. А.*), который растет 4 аршина вышиною стебель. Стебель у него толстый, а наверху растет зерно, из которого китайцы варят себе кашу и дают эти зерна лошадям, а этими стеблями топят печи и обстанавливают себе дома, а потом обмазывают глиной, и дом готов. Про войну нам ничего не говорят, и японцев с 23-го августа по 4-го сентября не видно и не слышно. Не плачь, моя дорогая супруга, мне говорили солдаты, которые

были по пять раз в бою, как кому не назначена смерть, так все живы возвратились назад.

7-го сентября. Благодетель барин Николай Матфеевич отстранил меня от прямой пули, с 5-го я поступил к Н.М. денщиком, после молебна, который был всему корпусу, для отправления его на войну. Меня рапортом из нашего полка потребовали в штаб корпуса, себе в денщики. А сейчас мы находимся в палатках, дожидаясь сражения. Собрались нас большое множество народа, одних пушек стоит штук 30, да еще ожидаемся.

18-го сентября. А про войну, когда мы были в Петергофе, тогда больше знали, а здесь ни газет, ничего. Наш корпус стоит в поле, далеко от того места, где была война, потому никто ничего и не знает.

28-го сентября. Переехали мы с того места, где стояли 20 дней без движения, потом поехали со всем обозом 30 верст и расположились. Это 24 сентября, в самую память преподобного Никандра. Не доезжая войны верст 15, было слышно, как стреляли из орудий без умолку, но Господь помог, выбили неприятеля из позиции. 25-го стрельбы не слышно было, и мы опять двинулись вперед. Затем 26 и 27-го был сильный бой, во весь день, что гром, гремели орудия, но чьи одолели, еще не известно. А мой полк и Самарский еще далеко от боя, так что я и Ваня еще живы и не видели войны. Что-то будет дальше! Я нахожусь с барином при корпусном командире, и ночуем мы все больше в китайских деревнях. Вместо стекол в окнах они затягивают бумагой, только маленькое стеклышко в иных оклеено, а все больше бумажные. А женщина у них дивная, как на картинках видно, руки растопыривши стоит, и не видно их из рукавов, как у нас пужалки в огороде. Когда идут войска, то китайцы всех своих женщин прячут в свои фанзы, и не пускают никого в фанзы, где помещены их женщины. Работают больше все мужчины. Как неохота им выходить из своих домов, как занимают их офицеры для ночлега себе. Затем погода здесь очень хорошая, во весь месяц почти дождя не было,

ночью только спать холодно под шинелью, но делать нечего. А как красиво эти китайцы живут, где видны деревья, то знай, что деревня китайская. У каждого свой огород обнесен глиняным забором»⁴.

После 37-дневного пути каспийцы 31 августа прибыли на станцию Хушитай, где уже находился штаб 37-й пехотной дивизии, 146-й Царицынский и 145-й Новочеркасский полки. Место для первого бивака было выбрано очень неудобное и сырое, затрудняло расположение войск и отсутствие воды. Через два дня прибыл последний эшелон каспийцев, и теперь в полку числились 62 офицера и 3600 нижних чинов. Совершив небольшой переход Каспийский и Новочеркасский полки заняли позиции на северном берегу реки Пухэ. Обозы находились при своих частях, охрана выставлялась только на ночь отдельными заставами. «2-го сентября полк перешел на новое место к дер. Пухэ, на реке того же имени, где уже расположились биваком полки нашей дивизии. Стоянка в палатках на реке Пухэ носила скорее мирный характер; ротам приходилось по очереди ходить на сторожевку, выставляя в версте от биваку заставы. Это был период 4-х недельного затишья на Маньчжурском театре военных действий»⁵.

Весь месяц проходили полковые и дивизионные маневры, в ходе которых приходилось решать многие вопросы, так как до этого дивизией в боевом составе маневры не проводились.

После оставления позиций у Ляоляна, русская армия отошла к Мукдену, где и начала подготовку к наступлению. «Подготовка наступления отнюдь не держалась в тайне, печать всего мира была оповещена о нем за неделю. Производились смотры, служились напутственные молебны»⁶.

⁴ ВИМАИВиВС. Ф. № 52. Оп. № 110/16. Д. 3.

⁵ Курбатов А.А. Историческая памятка каспийца: 1811–1911. СПб., 1911. С. 64.

⁶ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 72.

1-й Армейский корпус, в состав которого входила 37-я пехотная дивизия, вошел в Общий резерв командующего. 21 сентября 1904 года для 37-й дивизии была получена диспозиция — двигаться на юг, к Мукдену. На следующий день дивизия перешла к деревне Санлинцзы, переход был тяжелым, жара достигала 20–25 градусов, уже в совершенной темноте Новочеркасский и Каспийский полки встали на бивак у моста через реку Хунхэ. Через два дня, совершив 10-верстный переход к югу, Каспийский полк встал у деревни Баньизичжай, где и простоял до утра 25 сентября, охраняя ставку главнокомандующего. Утром 25 сентября 2-я бригада продвинулась еще на 8 верст к юго-западу; новочеркасцы заняли Лесистую и Двурогую сопки, а каспийцы расположились у деревни Тайханши. Здесь каспийцы стояли три дня, до 28 сентября, когда приняли участие в сражении на реке Шахэ.

А в далеком Петергофе старались оказать посильную помощь воинам, заболевшим и получившим ранения на японской войне. В сентябре 1904 года великая княгиня Мария Павловна обратилась к уездному дворянству с просьбой об оказании помощи раненым. Петергофское земство решило организовать лазарет, для чего бесплатно уступило новый арестный дом⁷. По подписным листам была собрана значительная сумма более чем в 4000 рублей, заметную роль в сборе денег сыграли потомственный почетный гражданин Ф.К. Шифлер, петергофский уездный исправник К.Д. Шилейко, супруга поручика л.-гв. Уланского Ее Величества полка Н.С. Коцебу и генерал-майор Р.А. Рейнбольт. Для устройства и лазарета и заведования им был образован Комитет, в состав которого вошли: председатель — петергофский предводитель уездного дворянства Л.А. Зиновьев, член петергофской

⁷ Отчет о деятельности лазарета, состоявшего в ведении Петергофского уездного предводителя дворянства для раненых и больных нижних чинов, пострадавших на войне с Японией с 1-го июня 1905 года по 1-е июня 1906 года. [СПб., б. г.] С. 1–2.

уездной земской управы С.П. Геринг, поручик л.-гв. Уланского Ее Величества полка А.П. Коцебу, граф А.Н. Литке, доктор А.В. Рыбальченко, потомственный почетный гражданин Ф.К. Шифлер и коллежский советник С.Е. Федотов. Началось оборудование здания под лазарет. Мануфактур-советник Иван Агапович Воронин, полковник Константин Николаевич Кладо и жена купца Александра Филипповна Семенова обязались оборудовать и содержать по несколько кроватей.

На Дальнем Востоке складывалась новая ситуация. 21 сентября русские войска перешли в наступление, которое оказалось неудачным, через неделю японские армии вынудили русские части отойти к реке Шахэ. Впереди остался только центр, усиленный частями 1-го армейского корпуса, взятыми из резерва. Тогда японское командование решило прорвать центр русского фланга, для этого им было необходимо занять Двурогию сопку, находившуюся в центре. Около часа ночи 10-я японская пехотная дивизия силами 23-х батальонов начала штурм. В течение дня новочеркасцы, занимавшие сопку Двурогая и самарцы, занимавшие сопку Лесистая, вели упорные бои с противником. Превосходство было на его стороне, так как ввиду особенностей рельефа местности некоторые подступы к сопке были закрыты для огня русской артиллерии. В ходе боя сопку Лесистая пришлось оставить, около 11 часов ночи разгорелся бой за сопку Двурогая, он был тяжелым и длился всю ночь, но пришлось оставить и эту сопку. Только утром Куропаткин прислал на помощь новочеркасцам две роты Каспийского полка, это стало первым боевым крещением каспийцев в русско-японской войне. «Почти около самой деревни каспийцы встретили отходящие цепи Новочеркасского полка, начало рассветать и стало ясно, что японцы ночью сбили новочеркасцев и заняли сопку. Множество раненых спускались с сопки и брели навстречу нашим, которые рассыпались уже в цепь в длинном узком овраге. При выходе из деревни был ранен один